

Как создавался Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Академик А.Г. Аганбегян: «Мой выбор пал на Гайдара»

- Главной моей задачей стало кадровое обновление, потому что ясно, что с такими кадрами задачи, которые ставят перед Академией, не выполнишь. Кроме того, там было много лабораторий, возглавляемых дочками, племянницами, сыновьями министров. Эти учреждения неизвестно чем занимались, неизвестно как отчитывались, никакой ответственности за результаты своей работы не несли. В то же время они занимали целые этажи второго корпуса. Надо было с ними разобраться, выяснить, чем они занимаются<...>
- Мне было уже под шестьдесят, и всем моим друзьям примерно столько же, приглашать их было не уместно. Кроме того, большая часть моих товарищей была в Новосибирске, а я принципиально никого оттуда не перетаскивал. <...>Итак, я рассматривал кафедру за кафедрой, лабораторию за лабораторией. Когда я стал создавать коллектив, то понял, что нужны свежие силы. Мне было трудно их привлечь, потому что я не дружил с тридцати- и сорокалетними. Я их не знал — это другая возрастная категория...
- <...>Я долго присматривался, и мой выбор пал на Егора Гайдара. Он в это время был корреспондентом «Правды». Тогда эта газета стала меняться в худшую сторону, а он был человек либеральных взглядов. Я с ним был хорошо знаком, потому что в последний период Горбачев стал привлекать его на дачи ЦК, а я там много работал. Я читал также его статьи в «Коммунисте», знал, что он вел экономический семинар, в том числе с Чубайсом. Я видел в Гайдаре лидера волны молодых экономистов, и я ему позвонил, на что он с радостью откликнулся, приехал.
- Я предложил ему перейти в АНХ, создать исследовательский институт при Академии. Он согласился сразу и назвал его Институт экономической политики. Я обещал Гайдару не вмешиваться в его работу, предложил ему взять свою команду, выбрать любое помещение.
- Гайдар не пойдет работать в преподаватели, я знал это, он исследователь по натуре. И я не думал тогда об исследованиях, я хотел, чтобы здесь была прослойка 30-летних. Этих людей я хотел привлечь к преподаванию. К тому же их можно послать за границу, они знают язык.
- И вот я позвал своих хозяйственников, финансистов и произнес перед ними речь, я ее очень хорошо продумал тогда: «Если я вам что-то скажу и вы не сделаете, я вас отругаю, в крайнем случае объявлю выговор, но если вам скажет Егор Тимурович и вы это не сделаете, я вас сразу уволю. Этот институт имеет приоритет, это главная организация в Академии».
- По-другому бы не получилось создать институт. И если бы Гайдар столкнулся с бюрократией, то ничего бы у него не вышло. К этому институту было очень хорошее отношение. Они сразу занялись проблемой перехода России к рынку, изучением рыночных реформ в других странах. Он ко мне приходил, рассказывал, чем они занимались, но я никогда не вмешивался, в их совещаниях участия не принимал.
- Институт Гайдара был структурным подразделением Академии. Егор Тимурович пригласил к себе всех молодых, исключением был один Ясин — примерно моего возраста, которого я хорошо знал и с которым много работал. А так все были молодые — 30–35 лет.

- Гайдар проработал у нас совсем немного — год-полтора, до 1991-го. Затем он ушел в Правительство, взяв всех своих ключевых сотрудников. Но институт продолжал существовать, уже с новым директором. Когда Гайдар ушел из Правительства, он вернулся институт и попросил меня сделать его самостоятельным, уже не при Академии.
- И я выступил учредителем самостоятельного института, договорился с Отделением экономики РАН, которая тоже выступила учредителем. И благодаря Чубайсу, который возглавлял Госимущество, он получил помещение и там обосновался. Гайдар взял всех своих сотрудников, свое оборудование. А я остался членом их Ученого Совета.

Егор Гайдар: «Дни поражений и побед» (Изд-во «Вагриус»)

И тогда, летом 90-го, и впоследствии мы неоднократно обсуждали и с самим Явлинским, и с другими соавторами этой программы- Евгением Ясиным, Владимиром Машицем, Борисом Федоровым – их отношение к ней. Нет сомнения, что большинство из них ни в малой степени не сомневалось в ее утопии. И вместе с тем в политическом ключе программа «500 дней» была в тот момент, безусловно, полезной, ибо она способствовала сближению Горбачева и Ельцина, создавала базу для их возможного союза и проведения согласованной линии. А следовательно – и для предотвращения разрушительной войны законов. Именно это заставило меня в конце лета 90-го года публично поддержать эту программу, лишь мягко высказав сомнения в реалистичности многих параметров, положенных в ее основу. Увы, программе Явлинского не суждено было оправдать и свое политическое предназначение. После долгих колебаний, под мощным давлением силовых структур, консервативной части аппарата, Горбачев отказался от соглашения с Ельциным и поддержки программы «500 дней». С этого момента вплоть до осени 91-го года о какой бы то ни было экономически осмысленной политике можно было забыть. Между ру- шащимся Союзом и Россией началась ожесточенная борьба за власть.

Любому непредвзятому наблюдателю стало ясно, что страна приближается к экономическому краху. Это было очевидно и авторам программы «500 дней», которые записали в ее преамбуле, что в случае отказа руководства Союза и России от согласованных действий по проведению рыночных реформ продолжится процесс дезинтеграции экономической системы, появятся десятки автаркий в границах областей и национально- территориальных образований...<...> стране, вероятно, будет отказано в новых кредитах. Начнется упадок крупных городских центров и падние товарности наиболее урожайных сельскохозяйственных регионов. Потребительский рынок вытеснится нормированным распределением и черным рынком. Экономический крах усугубится отсутствием единой программы действий. Каждая республика, а затем каждая территория (вплоть до районов) будут пытаться выбраться из кризиса в одиночку, что губительно для интегрирования сверхмонополизированной экономической системы. Политические последствия – окончательный распад Союза, столкновения на национальной почве в этнически неоднородных регионах. Неподчинение закону будет охватывать все сферы общества.

Теперь этот сценарий становился неизбежным. Вопрос состоял только в том, что делать, как жить дальше, когда точно нарисованная картина грядущей катастрофы начнет воплощаться в реальность? Можно ли хоть как-то ограничить экономические и политические тяготы?

Как попытаться повлиять на власть на уровне Союза и республик, чтобы использовать все возможности для предотвращения катастрофы или, по меньшей мере – смягчения ее последствий? Многие ждали ответа на эти вопросы от популярного Явлинского. Но он, вопреки призывам и

уговорам российского руководства остаться в правительстве и продолжать работу по подготовке рыночной реформы, подал в отставку. Шаг политически выверенный, точный. Конечно, оставаясь в российском правительстве, можно было бы немало сделать для создания фундамента приватизационного процесса, формирования рыночного законодательства, правовой защиты частной собственности и многого другого. Но все это – на фоне нарастающего экономического кризиса, ответственность за который совершенно неизбежно падает на тех, кто стоит у руля. Контраст со сладкой сказкой программы “500 дней” будет слишком сильным. Политическая цена - высокой.

В день своей отставки Григорий Явлинский заехал на госдачу в Волынское, где мы работали с Евгением Ясиным, Станиславом Шаталиным, Николаем Петраковым, Абелом Аганбегяном. Премьер российского правительства Силаев звонил Ясину, спрашивал, не согласится ли тот занять место Явлинского. Явлинский отговаривал Евгения Григорьевича, да тот и не собирался соглашаться. Позже подъехал Горбачев. Обсуждали эклектичный документ – гибрид программы «500 дней» и правительственной программы, подготовленной Леонидом Абалкиным. Говорили о разном<...> В целом было ощущение, что Горбачев отдает себе отчет, в каком политическом тупике он оказался.

Там же, в Волынском, Абел Аганбегян предложил мне возглавить сформированный в Академии народного хозяйства исследовательский институт.

Предполагалось назвать его Институтом хозяйственного механизма.

Подумав, я согласился. Тут же договорились с секретарем Отделения экономики Академии наук С. Шаталиным, что Институт будет двойного подчинения: Академии народного хозяйства и Академии наук и получит название «Институт экономической политики». Там попытаемся собрать наиболее динамичных экономистов молодого поколения.

Принял предложение тем более охотно, что стал тяготиться работой в печати. В начале 1990 года по предложению Ивана Фролова возглавил экономический отдел «Правды», опубликовал там несколько больших статей, в том числе, наверное, наиболее известную мою газетную публикацию «Благие намерения», обобщавшую уроки экономической политики Горбачева и Рыжкова. Однако становилось ясно, что на фоне усиливавшихся консервативных тенденций превратить «Правду» в реформаторский орган не удастся. Мои статьи разительно дисгармонировали с тем, что печаталось по другим разделам.

К этому времени я уже проинформировал Ивана Фролова, что ухожу. Думал о том, чем займусь дальше. Твердо решил вернуться в науку. Предложение возглавить новый молодой институт, не обремененный балластом бездельников-блатников, такой, куда я смогу подбирать людей исключительно по их способностям, было очень привлекательно. Институт предполагалось создать небольшой, около 100 человек. Практически всех сотрудников подбирал лично. Удалось сформировать, как мне кажется, неплохой коллектив. Заместителями директора стали специалист по межотраслевому балансу Андрей Нечаев, пришедший из Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, и Владимир Машиц – из Центрального экономико-математического института, прекрасный статистик, знаток хозяйственного механизма. Из Института экономики пригласил Владимира Мау, в то время активно работавшего в области истории экономической мысли и начинавшего свои исследования по современной политической экономии. Из Института экономик Госплана – Сергея Синельникова, занимавшегося экономикой природопользования, уговорил его переквалифицироваться на проблемы налоговой системы и бюджета. Пришли и другие талантливые экономисты – Александр Радыгин, Елена Журавская, Вадим Иванов. Ленинградское отделение института возглавил Сергей Васильев. В целом коллектив получился дружный, работающий

Между собой договорились: никаких грандиозных программ не пишем, экономической политикой не занимаемся, только изучаем ее. Разумеется, мы готовы проводить экспертизу нормативных актов, предложений, программных разработок и российского, и союзного правительства, давать свои оценки, помогать, но главное для нас – изучение механизмов функционирования российской экономики, протекающих в ней процессов, их краткосрочное прогнозирование. Это тем более важно, что реальные возможности органов власти влиять на развитие событий в экономике становятся все более призрачными. На первом большом семинаре института в январе 1991 года я сделал доклад «Об экономике нестабильности и перспективах развития советского народного хозяйства». С осени 1990 года советская экономика вошла в режим подавленно-открытой инфляции. Быстро растут цены и сохраняется дефицит на всех видах товарных рынков. Прогнозирую три этапа: период подавленно-открытой инфляции, период открытой инфляции и стабилизационные процессы. Мы не можем точно определить даты перехода от первого этапа ко второму и от второго к третьему. Но зато достаточно легко предугадать основные параметры социально-экономического развития на каждом из этих этапов, в частности, темпы роста денежной массы, темпы роста цен, бюджетный дефицит, долю дотаций в валовом внутреннем продукте, реальные и номинальные доходы населения, объем промышленного производства. Нарисовал графики этих параметров для периодов до либерализации цен, после их либерализации и в момент развертывания стабилизационных процессов. Последующее развитие событий довольно точно подтвердило мой прогноз.””

1414



**АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

П Р И К А З

II.II.90

№ 447

Об организации Научно-исследовательского института хозяйственного механизма

Распоряжением Совета Министров СССР от 3 октября 1990 года № 1670р принято предложение Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР об организации Научно-исследовательского института хозяйственного механизма при Академии.

На указанный институт возложено проведение научных исследований по проблемам, связанным с переходом к рыночным отношениям. Создание института осуществляется в пределах финансовых и материальных ресурсов, планов по труду, бюджетных ассигнований и других лимитов и нормативов, установленных Академии.

Во исполнение указанного распоряжения Совета Министров СССР **п р и к а з ы в а ю :**

1. Образовать при Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР Научно-исследовательский институт хозяйственного механизма.

2. Назначить директором указанного института доктора экономических наук ГАИДАРА Егора Тимуровича с 6 ноября 1990 года.

Ректор Академии
академик

 А.Г. Аганбегян

1214



**АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

П Р И К А З

11.11.90

№ 447

Об организации Научно-исследовательского института хозяйственного механизма

Распоряжением Совета Министров СССР от 3 октября 1990 года № 1670р принято предложение Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР об организации Научно-исследовательского института хозяйственного механизма при Академии.

На указанный институт возложено проведение научных исследований по проблемам, связанным с переходом к рыночным отношениям. Создание института осуществляется в пределах финансовых и материальных ресурсов, планов по труду, бюджетных ассигнований и других лимитов и нормативов, установленных Академии.

Во исполнение указанного распоряжения Совета Министров СССР **п р и к а з ы в а ю :**

1. Образовать при Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР Научно-исследовательский институт хозяйственного механизма.
2. Назначить директором указанного института доктора экономических наук ГАИДАРА Егора Тимуровича с 6 ноября 1990 года.

Ректор Академии
академик

А.Г. Аганбегян А.Г. Аганбегян